

Как вырваться из паутины?

Проблема политического диалога в постмодернистском дискурсе современности

Хачик ГАЛСТЯН,
кандидат политических наук, доцент

Современный мир находится на новом пороге своего развития, которое условно можно назвать «эрой глобальной неопределенности». В первой четверти XXI века глобализация политики, геополитические и геоэкономические трансформации стремительным образом меняют мозаику мира, политические процессы и преобразования происходят внутри отдельных государств и регионов. По мере увеличения доли неопределенности и роста взаимозависимости во всех сферах жизнедеятельности общества первостепенными становятся вопросы более интенсивного применения диалоговых форм коммуникации как единственного способа выхода человечества из постмодернистской паутины.

Общественно-политическое развитие в первой половине XX века убедительно показало ограниченность и хромотопическое несоответствие теоретико-концептуальных и политико-идеологических ориентиров эпохи модернизма. Речь, в частности, идет о таких возвышенных ценностях, провозглашенных обществом модерна, как абсолютизация роли научно-технического прогресса, линейность политического развития общества, широкое применение монологических форм поли-

тической коммуникации, чрезмерная рационализация человеческой деятельности и т.д. Пришло понимание: процессы идут не так, как предсказывали.

По мере индустриализации в мире появились новые негативные тенденции и «черные дыры» его развития – тоталитарные диктатуры, великие социальные потрясения, мировые войны и экологические катастрофы. По словам В. Библера, «уже в первой четверти XX века, в его социальных взрывах, в первой мировой войне, в назревании чудовищных тоталитарных диктатур... иными словами – в решающих трагедиях XX века, которые, казалось бы, не имеют к культуре никакого отношения, именно в них обнаруживается и осознается роковое исчерпание и расщепление единой лестницы прогрессивного восхождения европейской цивилизации: науки – техники – материального благополучия – морали – социальной матрицы – по ступеням тех, как будто бы единственных и всеобщих ценностей, смыслов жизни...» [1, с. 262].

В этом смысле постмодернизм выступает единственной в своем роде реакцией на прямолинейное мировосприятие эпохи модерна, отрицая позитивистские, технокра-

ОБ АВТОРЕ

ГАЛСТЯН Хачик Самвелович.

Родился в 1976 году в городе Ванадзор (Армения). Окончил философский факультет Ереванского государственного университета (1998), магистратуру факультета международных отношений Ереванского государственного университета (2000).

С 2000 года – аспирант, ассистент, доцент кафедры теории и истории политической науки Ереванского государственного университета. С 2000 по 2008 год – старший преподаватель Российско-Армянского (Славянского) университета. С 2008 года – доцент кафедры теории и истории политической науки факультета международных отношений Ереванского государственного университета.

Кандидат политических наук (2003), доцент (2007).

Автор более 30 научных статей и публикаций, двух монографий.

Сфера научных интересов: мирная трансформация конфликтов, переговорные процессы, проблемы политической диалогистики.

тические и рациональные основы линейного развития общества. В целом можно констатировать, что постмодернизм отражает интегральную совокупность современного постиндустриального, информационного и коммуникационного общества, определенным образом трансформирует и всю его политическую жизнь, выявляя все новые и новые проблемы и концептуальные подходы к пониманию современных реалий.

В частности, одной из важных характеристик постмодернистского теоретико-идеологического миропонимания является увеличение доли неопределенности во всех сферах жизнедеятельности. Выявляется объективная необходимость более интенсивного применения диалоговых форм коммуникации в общественно-политической жизни современного социума.

Мир сегодня находится в такой стадии своего развития, которую условно можно назвать «эрой глобальной неопределенности». Чем отличается это новое состояние? Если раньше на мега-, макроуровнях и на уровне мезополитики политическое время протекало более медленно и, следовательно, более прогнозируемо, то сегодня, в первой четверти XXI века, глобализация политики, геополитические и геоэкономические изменения стремительно преобразовывают политическую мозаику мира. Изменения внутри отдельных государств и регионов происходят очень быстрыми темпами. Без преувеличения можно сказать, что неопределенность стала естественным состоянием отражения и восприятия политической действительности. Такие трансформации временного и пространственного континуума политики, переход от традиционных подходов истолкования политических явлений и событий к модернистским и постмодернистским теориям в большей степени напоминают ситуацию, сложившуюся в естествознании между классической и квантовой механикой по поводу восприятия и объяснения объективной реальности. Сторонники классической механики представляли такую картину окружающей действительности, где не было места неопределенностям и случайностям. Всё, начиная от Вселенной и заканчивая человеческим обществом, находилось в причинной взаимосвязи, а лапласовский детерминизм и концепция «машинной цивилизации» были ведущими

научными парадигмами того времени. По этому поводу И. Пригожин и И. Стенгерс отмечают: «Приверженцы классической науки рисовали картину мира, в которой любое событие однозначно определяется начальными условиями, задаваемыми (по крайней мере, в принципе) абсолютно точно. В таком мире не было места случайности, все детали его были тщательно подогнаны и находились «в зацеплении», подобно шестерням некоей космической машины. Широкое распространение механистического мировоззрения совпало с расцветом машинной цивилизации. Бог, играющий в кости, был плохо совместим с машинным веком, который с энтузиазмом воспринимал научные теории, изображавшие Вселенную как своего рода гигантский механизм» [2, с. 14].

До открытия основных закономерностей квантовой механики научная мысль руководствовалась законами классической механики, при помощи которых на уровне макрообъектов при низких скоростях (иными словами, при медленной темпоральности политического времени) можно было в любой момент времени вычислить траекторию движения объекта в данной системе координат. На уровне микрочастиц эти закономерности трансформируются, а в рамках теории неопределенности о траектории микроскопических единиц можно говорить только относительным образом. И это зависит не от ограниченности умственных и исследовательских возможностей человека, а наоборот, неопределенность является вполне естественным состоянием объекта.

Надо отметить, что аналогичные изменения происходят и в сфере политики, где неопределенность становится ее неотъемлемой частью, естественным состоянием, а квантовая политика в ближайшем будущем вполне может заменить классическую. По точному выражению одного из ярких представителей постмодернизма Р. Барта, на современном этапе и в разных сферах жизнедеятельности общества доминируют не порядок и закон, а спонтанность и неорганизованность. Превьющая односторонняя ясность целей и средств человеческого поведения и действий заменяется разнообразием, неопределенностью и сложностью, которые со временем трудно осваиваются и оцениваются людьми [3, с. 71]. Кроме того,

как полагают И. Пригожин и И. Стенгерс, открытый характер подавляющего большинства систем во Вселенной наводит на мысль о том, что реальность отнюдь не является ареной, в которой господствует порядок, стабильность и равновесие; главенствующую роль в окружающем нас мире играют неустойчивость и неравновесность [2, с. 17].

И действительно, как показывают глобальные перемены современности, даже у развитых стран Запада (не говоря уже о развивающихся и неразвитых) политическое, экономическое и социальное развитие вряд ли можно считать упорядоченным. Уже через несколько десятков лет после Второй мировой войны в этих странах наблюдались постмодернистские тенденции, которые проявлялись небывалым возрастанием плюрализма, альтернативности, ослаблением властной иерархии, фрагментарностью социального окружения и культуры. Однако главным и скорее негативным итогом ушедшей эпохи было переосмысление научно-познавательных возможностей постмодернистской парадигмы как способной лишь на нигилистическую критику и не дававшей никаких позитивных ответов.

В связи с этим испанская исследовательница К. Видаль пишет: «В 80-е смысл был утрачен, и мы играли с означаемыми. Объекты, включая человека, существовали только как знаки. Стремление к бесконечности. Бессмысленная свобода. Эстетика исчезновения. Социальное дезертирство. Деидеологизация. Общественная сфера стала пустыней, где трансполитический характер, бесчеловечность нашего асоциального и поверхностного мира превратилась в эстетическую критику культуры» [4, р. 176]. А вот российский автор И. Ильин сравнивает постмодернизм с древнегреческой мифологической фигурой химеры и утверждает: «Химеричность постмодерна обусловлена тем, что в нем, как в сновидении, сосуществует несоединимое: бессознательное стремление, пусть и в парадоксальной форме, к целостному и мировоззренчески-эстетическому постижению жизни и ясное сознание изначальной фрагментарности, принципиально несинтезируемой раздробленности человеческого опыта конца XX столетия. Противоречивость современной жизни такова, что не

укладывается ни в какие умопостигаемые рамки и поневоле порождает, при попытках своего теоретического толкования, не менее фантазмагорические, чем она есть, объяснительные концепции». «Едва ли не самой влиятельной из таких концепций-химер и является постмодернизм», – заключает автор [5, с. 6].

Таким образом, можно констатировать, что глобальная неопределенность, помимо увеличения фактора риска в политике, социальной фрагментации, театрализации общественно-политических процессов, понимания политики как текстовой коммуникации, стала важной экзистенциальной характеристикой современного общества.

Но, одновременно с этими изменениями и с появлением новых реалий, может возникнуть вполне логический вопрос: насколько современный человек готов физически и психологически жить и существовать в эпоху глобальной неопределенности? Ведь изначально человек адаптирован к классической модели мировосприятия, то есть – жить и творить в условиях относительно стабильного, определенного и конкретного состояния. В рамках постмодернистской парадигмы, на самом деле, очень трудно однозначно ответить на этот вопрос. Дело в том, что, с одной стороны, постмодернистское мировосприятие выступает против всех претендующих на универсализм теоретических концепций (которые неизбежно превращаются в монологизм), тем самым поощряя разного рода дискурсы-диалоги в политической, экономической и социально-культурной сферах общества, а с другой – отсутствие доминирующих в обществе ценностных ориентиров и их теоретико-идеологического осмысления способствует появлению таких негативных социальных явлений, как маргинализация разных социальных слоев общества, самоизоляция человека, социальное отчуждение и апатия. Именно для минимизации данных негативных последствий в рамках постмодернистских концепций делаются попытки разработки новых стратегий, направленных на повышение уровня социализации человека и социальной интеграции. Эти стратегии в основном базируются на принципах взаимности и на более широком применении диалоговых коммуникаций в общественно-политической практике современного социума. Одновременно надо

заметить, что данные подходы разрабатываются и реализуются на поверхностном уровне, носят больше эклектичный, чем глубоко осмысленный характер. Именно на такое несоответствие содержания и формы постмодернистского дискурса обращает свое внимание В. Рахманин, вполне справедливо отмечая, что демократический диалог между государством и обществом, властью и оппозицией, капиталом и трудом подвергается манипулятивной экспансии постмодернистских политических технологий. «Эти технологии создают правдоподобие демократичности политических диалогов, будучи на самом деле методом ухода дискурса от реальных проблем», – пишет автор. А что касается постмодернистского дискурса, согласно российскому исследователю, постмодернизм, разрывая культуру и тексты, фабрикует не диалог культур, а разногласицу. «Тексты становятся политическим товаром, которым можно спекулировать, подвергая его различным интерпретациям. Поле дискурса деформируется. Большой шанс одержать верх имеют не те, кто глубже и адекватнее выражает общественные потребности, а те, кто умеет скрыть потребительскую стоимость товара под яркой рекламной упаковкой», – заключает В. Рахманин [6]. Может быть, жестко сказано, но именно театрализация политической сферы жизнедеятельности общества является важной характеристикой постмодернистских реалий.

Следующий важный фактор, проявление которого напрямую связано с постмодернистскими реалиями и глобализационными процессами, условно можно назвать «эрой глобальной взаимозависимости». Особенно наглядно это выражается на уровне мегаполитики. Мировой финансовый и экономический кризис 2008 года продемонстрировал во всей красе всю «роскошь» и «печаль» данной ситуации. Начавшись в США, кризис мгновенно распространился по всему миру, нанеся тяжелые удары по экономикам многих стран. Можно сказать, что полностью эти потери еще не восстановлены, а экономики США, государств ЕС и ряда других до сих пор находятся в «турбулентной зоне». Конечно, мировой финансовый и экономический кризис не обошел стороной и Армению, экономический спад на уровне 14,5 % был одним из самых высоких в мире.

Ф. Закария в своей книге «Постамериканский мир будущего» отмечает, что после Большой депрессии 1930-х годов мир не видел такого масштабного кризиса. При этом, согласно Ф. Закария, он не был вызван процессами, происходящими в застойных водах «третьего мира», а случился в центре глобального капитализма, в США, и прокладывал себе путь по артериям международной финансовой системы [7, с. 17]. Другой исследователь, британец Н. Фергюсон, говоря о преодолении последствий мирового финансового и экономического кризиса, пишет, что односторонние шаги национальных правительств в поисках выхода из сложившейся ситуации могут быть неэффективными и очень опасными. «Сегодня, как никогда, политика «каждый сам за себя» может быть губительной», – заявляет Н. Фергюсон, а спасение глобализации американский автор видит в углублении сотрудничества между двумя полюсами Чимерики – США и Китаем [8]. По мнению Ф. Закария, залогом выхода из кризиса является «подъем остальных», поскольку США уже не в силах в одиночку формировать мировую политическую и экономическую повестку. Как отмечает автор, «подъем остальных – в основном экономический феномен, но переход, который мы переживаем, имеет отношение не только к деньгам. У него есть политические, военные и культурные последствия» [7, с. 18]. «Дело в том, что пока мы не найдем способов укрепить и расширить правила и институты глобального сотрудничества, в мире будет происходить все больше и больше кризисов, а ответная реакция правительств будет все больше запоздалой и слишком незначительной», – пишет Ф. Закария [7, с. 23].

Таким образом, можно констатировать, что вышеупомянутые два фактора – увеличение уровня «глобальной неопределенности» и «взаимная зависимость» являются теми важными предпосылками, которые заставляют как на уровне мегаполитики, так и на макро- и микроуровнях стимулировать механизмы сотрудничества и диалоговых коммуникаций. На самом деле, мы живем в таком мире, где совместные действия не то что возможны, а насущно необходимы.

«Пророк» конца истории и один из ведущих идеологов либерально-демократической концепции Ф. Фукуяма пишет,

что в XXI веке глобальная конвергенция политических и экономических институтов становится все очевиднее [9, с. 13] и без социального взаимодействия трудно представить любую сферу человеческой жизнедеятельности. «Хотя, поступая на работу на предприятия и в организации, люди видят в этом средство удовлетворения собственных потребностей, сама деятельность неизбежно выводит их из замкнутого частного пространства и разными способами связывает их с обществом» [9, с. 19]. Такая связь с внешним миром, по американскому автору, уже не просто средство, но и важная жизненная цель. Ибо насколько человеческой личности присущ эгоизм, настолько ей присуща и потребность быть частью того или иного общественного целого. «В отсутствие норм и правил, связывающих человека с себе подобными, он испытывает острое беспокойство – состояние, названное Э. Дюркгеймом *anomie* – и «работа» в нынешнем понимании слова есть то место, где человек, частично или полностью, способен от этого беспокойства избавиться» [9]. Согласно Э. Дюркгейму, «аномическое» состояние возникает в том случае, когда разделение труда противоречит принципам солидарности. В результате этого стихийно созданная совокупность норм и правил становится недееспособной в процессе упорядочения отношений между общественно-политическими институтами [10]. И поэто-

му не случайно, что в числе классификаций видов самоубийств Э. Дюркгейм выделяет аномическое самоубийство, интенсивность которого резко возрастает во время экономических, социально-политических кризисов и катаклизмов, когда люди не успевают адаптироваться к быстрым переменам [10].

После мирового финансового и экономического кризиса мы стали свидетелями многих таких самоубийств: вся мировая пресса была наводнена сообщениями по этой тематике.

Таким образом, можно констатировать, что в постмодернистских реалиях на жизнедеятельность человека оказывают сильное влияние глобальная неопределенность и рост взаимозависимости. Если воздействие первого фактора приводит к усилению фрагментации общества, самоизоляции и отчуждению человека, то второй, наоборот, способствует углублению интеграции в обществе, стимулирует поиск решения мировых глобальных, региональных и локальных проблем путем диалоговых механизмов и процедур.

В целом можно заметить, что и в постмодернистском обществе, и в политологических кругах проблема диалога становится неким «мегатрендом», грамотное и творческое использование которого действительно может быть важным рычагом реализации стратегии «умной силы» (*smart power*). В деле урегулирования международных конфликтов и кризисов в случае доминирования диалогической парадигмы резко повышается возможность применения диалоговых форм коммуникации, которая, в свою очередь, способствует установлению глобального мира и стабильности в большинстве «горячих» точек планеты. Диалогичность выстраивания взаимоотношений означает равноправность сторон и всех участников политического процесса. А это, в свою очередь, открывает новые перспективы для взаимовыгодного сотрудничества во всех сферах жизнедеятельности общества. Истинный общественно-политический диалог, реальное стремление политических лидеров находить выходы из тупиковых ситуаций, рационализация конфликтных проблем и доминирование культуры политического диалога – вот единственный способ для человечества вырваться из постмодернистской паутины. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Библер, В.С. От наукоучения – к логике культуры: два философских введения в XXI век / В.С. Библер. – М., 1991.
2. Пригожин, И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс; пер. с англ.; общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича и Ю.В. Сачкова. – М., 1986.
3. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М., 1989.
4. Vidal, M.C. The death of politics and sex in the eighties show / M.C. Vidal // *New lit. history*. – 1993. – Vol. 24. – No 1.
5. Ильин, И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / И.П. Ильин. – М., 1998.
6. Рахманин, В. Диалог политических культур как демократический процесс / В. Рахманин // *Логос*. – 2005. – № 4. – С. 243–252.
7. Закария, Ф. Постамериканский мир будущего / Ф. Закария. – М., 2010.
8. Ferguson, N. USA-China Cooperation Is Critical to Global Economic Health / N. Ferguson [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/11/16/AR2008111601736.html>. – Date of access: 15.01.2015.
9. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма. – М., 2008.
10. Дюркгейм, Э. Самоубийство: социологический этюд / Э. Дюркгейм; пер. с фр. с сокр.; под ред. В.А. Базарова. – М.: Мысль, 1994.